кого князя Андрея привезли во Владимир, здесь начался общий плач и вопль. «И поча весь народ плача молвити: „Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше той церкви на велицем дворе на Ярославле, а река: «хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отьчьству моему»". И *тако плакася по немь весь град*». Вот часть развернутого причитания, начатого характерным наречием «уже» и описывающего события из жизни покойного. За этим следует характеристика князя и обращение к нему: «Радуешися, Андрею княже великый ... моли ся помиловати братью свою» и т. д.

Еще интереснее описание кончины князя Мстислава Ростиславича (Храброго) в Новгороде в 1178 г. Здесь плачется «по нем вся земля Новъгородьская, наипаче же плакахуся по немь лепшии мужи Новгородьстеи ... и тако молвяху плачющеся: „Уже не можем, господине, поехати с собою на иную землю, поганыих поработити во область Новгородьскую: ты бо много молвяшеть, господине нашь, хотя на все стороне поганыя. Добро бы ныны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу Новгородьцем от поганых, яко же и дед твой Всеволод свободил ны бяше от всех обид. Ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего. Ныне же, господине, уже к тому не можемь тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом". И тако плакавъшеся над ним все множьство Новгородьское, и силнии и худии, и нищии и убозеи, и черноризьсце, бе бо милостив на вся нищая, и тако разидошася во своя домы». В этом плаче обращает на себя внимание его индивидуальная форма — в нем говорится о личных заслугах храброго князя, всегда готового «умрети за Русьскую землю и за хрестьяны», как сказано о нем ниже. Вместе с тем в этом плаче видим ряд традиционных оборотов народного типа: «уже», «уже бо», «солнце наше зайде ны», «во обиде всим остахом». Опять нет плача вдовы, но следует похвальная характеристика князя, оканчивающаяся словами: «И плакашеся по немь вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Чернии Клобуци вси не могуть забыти приголубления его».

Через два года, в 1180 г., умирает в Смоленске его брат Роман Ростиславич, и опять описание его кончины говорит об общем плаче, правда, в общих чертах: «И плакашася по немь вси Смолняне, поминающе добросердье его до себе, паче же и сынове его плакахуся, слезами обливающе лице свое». Но очень важно, что здесь впервые дан плач вдовы-княгини, в кратком виде. «Княгини же его безпрестани плакаше, предъстоящи у гроба, сице вопиюще: „Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелию сый подобен ему,[33] многия досады прия от Смолнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никотораго зла въздающа, но на бозе вся покладывая провожаше"». Это опять индивидуальный плач, созданный именно для Ростислава.

Наконец, под 1288 г. находим в Ипатьевской летописи описание смерти князя Владимира Волынского, самое подробное изо всех, в котором мы найдем и плач княгини, и плач народа. Их следует привести и указать на их несамостоятельность.

Плачи княгини и «лепших мужей» просто заимствованы из более ранних плачей, находящихся в той же Ипатьевской летописи, как это показывает нижеследующее сравнение:

---

[33] Роман и Давыд — христианские имена князей-мучеников Бориса и Глеба.